

С.И. ГИНДИН

Первый конфликт двух поколений основателей русского стиховедения

Каждая научная школа, а тем более организационно оформленное научное объединение, обычно стремится как-то сориентироваться и в текущей научной жизни, и в наследии, оставленном предшественниками. Цели, преследуемые при таком ориентировании, могут быть различными: получение информации, сличение позиций, полемика и борьба, наконец — собственно историко-научное изучение. Соответственно цели выбирается и жанр каждого обращения к чужим публикациям: реферат, критический анализ (обсуждение), работа по истории науки. Цели и жанры могут (особенно при коллективном обсуждении) комбинироваться, но одна из них обычно главенствует, становится доминантой, преобразующей, а порой и искажающей решение других задач.

Не составлял исключения и Московский лингвистический кружок (МЛК)¹. К осени 1919 года — к ней относятся публикуемые в этом номере протоколы заседаний — прошло уже четыре года с момента официального разрешения его деятельности. Студенты, явившиеся некогда его учредителями, окончили или кончали курс обучения, приобрели опыт самостоятельной исследовательской работы, и вопрос “Кто мы?” приобретал особую актуальность. Не случайно из общего числа семи заседаний кружка, состоявшихся (точнее, известных нам по протоколам) в сентябре—декабре 1919 года², три полностью и одно частично посвящены обсуждению чужих исследований о языке и о поэтике.

Особенно подробному обсуждению на этих заседаниях МЛК подверглась книга Валерия Брюсова “Наука о стихе”³ — одна из немногих работ, на которые члены кружка успеют за годы его функционирования отозваться в печати.

Как известно, всего на “Науку о стихе” было опубликовано четыре подробных печатных отзыва. Голоса рецензентов разделились не поровну: единственному положительному отзыву Вяч.И. Иванова⁴ противостояли три сугубо отрицательных, принадлежащих младшим по возрасту стиховедам — О.М. Брику⁵, Б.В. Томашевскому⁶ и Р.О. Якобсону⁷.

Сопоставляя эти разборы, невольно поражаешься не только полной полярности итоговых оценок брюсовского учебника, но и резкому контрасту тона обсуждения. Речь Иванова спокойна, он стремится к объективности и взвешенности суждений. Положительное отношение к книге в целом не мешает ему заметить существенные ограничения, присущие брюсовскому подходу.

Его младшие коллеги, напротив, категоричны и агрессивны. Отказывая книге Брюсова в каких бы то ни было достоинствах, в характеристике ее недостатков они допускают хлесткость и грубость, выходящие за пределы обычных норм академического обсуждения. В отзыве Брика подобный тон можно попытаться отчасти объяснить влиянием места публикации: журнал “Пролетарская культура” был известен своей нетерпимостью по отношению к “непролетарским”. Но и статья Якобсона в сугубо академическом сборнике (по соседству, кстати, с изысканно объективным по тону разбором Иванова) была столь же непарламентской. Г.О. Винокур в изданном год спустя обзоре счел возможным резюмировать ее содержание словами: “...вколачивает крепкий осиновый кол в классическое по своей безграмотности руководство Брюсова”⁸.

“Юпитер, ты сердишься — значит, ты не прав”. Время показало, что в охотничьем азарте молодые критики Брюсова проглядели ряд существенных находок и достижений, содержащихся в действительно запутанной и методически малоудачной “Науке о стихе”⁹. Объяснение того, почему младшие стиховеды оказались так невосприимчивы к идеям старших, требует анализа и сопоставления научных программ обоих поколений создателей русской поэтики¹⁰. Здесь же я хочу остановиться на факторах, обусловивших непарламентский характер критических атак стиховедческой молодежи на Брюсова. Определить их поможет обращение к публикуемым в этом номере архивным материалам.

Печатная полемика вокруг брюсовского учебника на первый взгляд может показаться типичным примером того, что Л.П. Якубинский метко назвал “монологическим диалогом”¹¹. В опубликованных отзывах нет внешних примет **обмена** мнениями, который, собственно, и составляет характеристическую черту дискуссии как одной из разновидностей диалога. Ни один из рецензентов не упоминает о существовании ранее опубликованных отзывов, и даже в напечатанных в одной книге отзывах Jakobsona и Иванова нет взаимных отсылок. В свою очередь Брюсов ответил только Брику, то есть на самый ранний из отзывов¹², а о его реакции на гораздо более обстоятельные и весомые рецензии Томашевского и Jakobsona можно судить лишь по упоминанию безымянных “новых русских теорий метрики” в конце предисловия ко второму изданию книги¹³ да по исчезновению из этого издания ряда примеров и добавленным в нем примечаниям теоретического характера¹⁴.

Однако внимательное сопоставление отзывов сразу заставляет заподозрить, что независимость прозвучавших голосов была мнимой. Возвращая в свое время в научный оборот не попавшую в библиографические указатели по стиховедению и по творчеству Брюсова рецензию Брика, я писал:

“В конструктивной части замечания Брика настолько совпадают с замечаниями Jakobsona, что возникает мысль о совместном написании или обсуждении этих рецензий”¹⁵. Достаточно существенные схождения или полемические сближения между другими откликами также позволяли предположить **предварительное знакомство** рецензентов с мнением коллег.

Обращение к архивам сразу же подтвердило справедливость подобных предположений. Обнаруженные Л.С. Флейшманом¹⁶ и опубликованные К.Ю. Постоутенко внутренняя рецензия Иванова на “Брюсовскую стихологию...” и ответ Jakobsona на эту внутреннюю рецензию¹⁷ четко выявили два факта. Во-первых, стало ясно, что Иванов писал раздел “Новейших теоретических исканий...”, посвященный “Науке о стихе”, уже зная статью Jakobsona и сознательно противопоставляя свою позицию Jakobsonовской. Во-вторых, приходится констатировать, что, смягчив после протеста Иванова некоторые особо одиозные места в первоначальной редакции “Брюсовской стихологии...”¹⁸, Jakobson не захотел изменить ее общую тональность. По-видимому, резкость и воинствующая агрессивность его статьи представлялись ему оправданными и желательными. Понять истоки и внутреннюю мотивировку этой воинственности как раз и помогают публикуемые ниже протоколы, причем не только тех заседаний, на которых обсуждалась “Наука о стихе”, но и смежных по времени заседаний, посвященных синтаксическим трудам И. Риса и В. Ягича.

Воинственность и даже “кровожадность” наскоков на Брюсова не были отражением лишь личных взглядов или свойств рецензентов, но проявлением общей стратегии объединявшего их коллектива — Московского лингвистического кружка. Эту стратегию Jakobson, бессменный председатель кружка с 1915 по 1920 год, сознательно противопоставлял тому, что он называл “проповедью всепрощения в филологической критике”¹⁹.

В свое время Л.С. Флейшман отметил, что опубликованный им доклад Томашевского “вписывается в общую картину выступлений Московского лингвистического кружка против символического стиховедения”²⁰. Внешне разрозненные печатные отзывы на “Науку о стихе” фактически были частями единой кампании. Публикуемый в данном номере протокол заседания МЛК от 23 сентября 1919 года позволяет восстановить реальную хронологию этой кампании.

Отзыв Яacobсона, из-за издательских превратностей увидевший свет последним, на самом деле был написан и публично прочитан раньше всех других отзывов. Заглавие доклада значительно резче и грубее, чем заглавие статьи. В последнем вывод о ненаучности “брюсовской стихологии” упрятан в подтекст (хотя и очевидный), в заглавии же доклада впрямую говорится о **шарлатанстве**.

Присутствие Брика на яacobсоновском докладе и характер дополнений, сделанных им в прениях, позволяют с уверенностью утверждать, что собственная рецензия была написана Бриком после этого доклада и под его воздействием. Возможно даже, что ее написание и было частью “моральной поддержки” Яacobсону, для оказания которой Брик был делегирован Кружком на заседание 18 октября.

Томашевский также присутствовал на заседании 23 сентября 1919 года, но его рецензия, появившаяся в печати между отзывами Брика и Яacobсона, на деле была написана последней и существенно опирается на его собственный доклад, прочитанный на публичном заседании МЛК в 1921 году, когда Яacobсона давно уже не было в России²¹. И именно у Томашевского, благодаря совместному рассмотрению (и в докладе, и в рецензии) книги Брюсова и статей Белого, критика одной стиховедческой книги переросла в общую полемику с научными приемами старшего поколения стиховедов. Poleмика эта достаточно бескомпромиссна, Томашевский также склонен расценивать подход Белого и Брюсова как ненаучный. Но все же *наукообразие*²² звучит не так агрессивно, как *научное шарлатанство*.

Что же стояло за воинственной агрессивностью этой критической кампании? Менее всего она определялась личными склонностями ее прямых участников. И вряд ли можно объяснить ее только уверенностью молодых критиков в научной слабости брюсовской книги. Агрессивное стремление к ниспровержению во что бы то ни стало было сознательно избранной линией поведения. Молодой Яacobсон с самого начала явно хотел видеть в своей позиции общую позицию всего МЛК. Отсюда его желание, столкнувшись с противостоянием Вяч. И. Иванова, опереться при “разборе дела” (как характерна для эпохи подобная юридическая терминология!) на выборных адвокатов от Кружка. Приняв на заседании 18 октября положительное решение по этому вопросу, Кружок в свою очередь продемонстрировал полную готовность признать яacobсоновскую “Брюсовскую стихологию...” как выражение общей идейной платформы. (Правда, наиболее почтенные по возрасту и научному статусу слушатели, промолчавшие при обсуждении доклада 23 сентября, — Б.И. Ярхо и Д.Н. Ушаков — на заседании 18 октября отсутствовали.) Еще более ярким проявлением распространения воинственности среди членов МЛК станет реакция на публикацию “Брюсовской стихологии...” Б.В. Горнунга, во многом расхоdivшегося с Яacobсоном во взглядах на стих: “...обстоятельная рецензия, резко критикующая брюсовскую “Науку”, почему-то появилась в печати в несколько сокращенном и смягченном виде. <...> Мы не можем не пожалеть о тех урезках, которые обязаны, наверное, чьему-нибудь альтруистическому чувству по отношению к Брюсову”²³.

Протоколы двух заседаний, посвященных синтаксическим концепциям Риса и Ягича, именно благодаря полному отсутствию связи обсуждавшихся вопросов с книгой Брюсова свидетельствуют, что агрессивная воинственность вовсе не была направлена исключительно

на книгу Брюсова и не определялась лишь степенью ее научной слабости. Необычайно выразительно здесь выступление Якобсона на заседании 1 ноября 1919 года в прениях по докладу М.Н. Петерсона о Ягиче. Признав необходимой “борьбу” с “методологически неприемлемыми” работами, Якобсон фактически упрекнул докладчика в том, что тот избрал предметом анализа концепцию, которая “мало что дает” для борьбы. И Петерсон (заметим — как раз в 1919 г. ставший профессором²⁴ того факультета, который его критик только-только окончил) вместо того, чтобы подчеркнуть независимость историко-научного анализа от сиюминутных интересов, оправдывается, что выбрал Ягича не нарочно!

Кого же советовал выбрать для “борьбы” Якобсон? Ни более ни менее как А.А. Потебню, “чья популярность оказывает свое дурное действие”! Вряд ли нужно объяснять, что значил (и значит) Потебня в истории русского языкознания. Обвинить его, как Брюсова, в ненаучности было невозможно. И тем не менее тон, которым в 1919 году (при обсуждении доклада А. Буслаева о Рисе 3 октября) говорил о нем Якобсон, почти тот же, что в “Брюсовской стихологии...”: “Потебня является для нас теперь рядом пережитков”.

Как видим, степень агрессивности критики со стороны МЛК и его председателя явно определялась не только неудачностью критикуемой концепции, но, прежде всего, желанием противопоставить себя предшественникам и бороться с ними. Тем самым объективность анализа сознательно приносилась в жертву тактическим интересам самого Кружка. Позднее это, видимо, признавал и сам Р.О. Якобсон. Проф. Дж. Бейли, прочитавший “Брюсовскую стихологию...” в годы аспирантуры у К.Ф. Тарановского, спросил своего руководителя, чем объяснить грубость тона рецензии. К.Ф. Тарановский ответил: “Роман Осипович говорит, что тогда так было **нужно**” (сообщено Дж. Бейли, подчеркнуто мною. — С.Г.). Временная необходимость отпала — и, составляя большой и представительный стиховедческий том многотомного собрания сочинений²⁵, Якобсон **не включил** в него “Брюсовскую стихологию...”. Каждый, кто видел эту огромную книгу, поймет, что дело тут не в “ограниченности объема”.

В подобном предпочтении тактических выгод критикующего объективной ценности критикуемого явления можно, конечно, увидеть еще один признак той близости к “экстремальным” и “авангардистским” течениям в искусстве, которую не раз отмечали в русском формализме его критики и исследователи²⁶. Мне представляется, что здесь скорее проявился общий дух нетерпимости, свойственный эпохе в целом, но концентрированное выражение нашедший в известных лозунгах политиков: *Прежде чем объединяться, необходимо размежеваться и Кто не с нами, тот против нас.*

ПРИМЕЧАНИЯ

1) О деятельности Кружка см.: *Винокур Г.О.* Московский Лингвистический кружок // Научные известия / Академич. центр Наркомпроса. Сб. 2. М., 1922; *Якобсон Р.О., Богатырев П.Г.* Славянская филология за годы войны и революции. Берлин, 1923; *Якобсон Р.О.* Московский Лингвистический кружок / Подгот. текста, вступ. статья и примечания М.И. Шапира // *Philologica*. М., 1996. Т. 3. № 5/7; *Баранкова Г.С.* Материалы к истории Московского Лингвистического кружка // *Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность.* М.: Научный мир, 1999.

2) Краткую хронику этих заседаний см.: *Баранкова Г.С.* Материалы к истории... С. 365—366.

3) Это заглавие, под которым книга Брюсова вошла в историю науки, было дано на ее обложке (с подзаголовком: *Метрика и ритмика*). По современным библиографическим стандартам ее официальным именем должно считаться более подробное заглавие, стоящее на титульном листе: *Брюсов Валерий*. Краткий курс науки о стихе: (Лекции, читанные в Студии стиховедения в Москве 1918 г.). Ч. 1. Частная метрика и ритмика русского языка. М.: Альциона, 1919. [131 с.]

Чтобы не называть ее (*horribile dictu*) “Кратким курсом...”, будем далее пользоваться при ссылках традиционным вариантом: **Наука о стихе**.

4) *Иванов Вяч.И.* О новейших теоретических исканиях в области художественного слова // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. Сб. 2. М., 1922. Переиздано в кн.: *Иванов Вяч.И.* Собр. соч. Т. 4. Брюссель, 1987.

5) *Брик О.М.* [Рец. на кн.:] Брюсов В.Я. Наука о стихе // Пролетарская культура. 1920. № 13—14.

6) *Томашевский Б.В.* [Рец. на:] Брюсов В. Наука о стихе; *Белый А.* О художественной прозе // Книга и революция. Пг., 1921. № 10—11.

7) *Якобсон Р.О.* Брюсовская стихология и наука о стихе // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. Сб. 2. М., 1922.

8) *Винокур Г.И.* Новая литература по поэтике // ЛЕФ. 1923. № 1. С. 242.

9) См. об этом: *Гиндин С.И.* Трансформационный анализ и метрика (Из истории проблемы) // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1970. Вып. 13.

10) Такое сопоставление было предпринято в докладе, дважды прочитанном мною в 1982/83 учебном году на заседании памяти Р.О. Якобсона в Секторе структурной типологии Института славяноведения и балканистики и на заседании Проблемной группы по семантике в Институте языкознания в Москве. С учетом позднейших публикаций это исследование было доработано и прочитано на VI симпозиуме “Вячеслав Иванов и его время” (Вена, 1998). В настоящее время оно готовится к публикации.

11) *Якубинский Л.П.* О диалогической речи // Якубинский Л.П. Избранные труды: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 26.

12) *Брюсов В.Я.* Письмо в редакцию // Кузница. 1920. № 3.

13) *Брюсов В.Я.* Основы стиховедения. Ч. 1 и 2. 2-е изд. М., 1924. С. 4.

14) См. особенно примечание к параграфу “Определения” в главе “Метр и ритм” — *Брюсов В.Я.* Основы стиховедения. С. 20—21.

15) *Гиндин С.И.* Трансформационный анализ и метрика... С. 192.

16) См.: Томашевский и Московский Лингвистический кружок / [Публ. и предисловие Л.С. Флейшмана] // Ученые записки Тартуского университета. 1977. Вып. 422. Труды по знаковым системам, 9. С. 113. Примеч. 5.

17) Три неизданные рецензии В.И. Иванова / Публ. К.Ю. Постоутенко // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 243—250. Рецензия Иванова опубликована полностью, а ответ Якобсона в виде систематизированных выдержек.

18) Ряд таких мест выявлен К.Ю. Постоутенко в комментарии к: Три неизданные рецензии... С. 246—248.

19) Слова из “Ответа” Якобсона на внутреннюю рецензию Иванова, цит. по: Три неизданные рецензии... С. 249. Примеч. 34.

20) Томашевский и Московский Лингвистический кружок. С. 113. Сам Флейшман в восстановлении этой картины не избежал неточностей. В частности, он зачислил в ряды критиков Брюсова Б.И. Ярхо и Д.Н. Ушакова (Там же. С. 114). Очевидно, поводом к данной ошибке стало то, что Якобсон, возражая Иванову, назвал их в числе слушателей своего доклада (см.: Три неизданные рецензии... С. 246).

21) См. датировку в работе: *Баранкова Г.С.* Материалы к истории...

22) Именно так, по данным Г.С. Баранковой, назывался доклад Томашевского, в публикации Л.С. Флейшмана озаглавленный “Наукообразные”.

23) Цит. по: Три неизданные рецензии... С. 246.

24) См.: *Булахов М.Г.* Петерсон Михаил Николаевич // Булахов М.Г. Восточнославянские языковеды. Т. 3. Минск, 1978. С. 119.

25) *Jakobson R.* Selected writings. Vol. 5. On Verse, its Masters and Explorers. The Hague e. a.: Mouton DeGruyter, 1979.

26) См., например: *Минералов Ю.И.* Стилистические взгляды Г.О. Винокура и филологическая традиция // Ученые записки Тартуского университета. 1981. Вып. 573; *Умнова М.В.* Авангардные установки в системе идей ОПОЯЗа // Материалы международного конгресса “100 лет Р.О. Якобсону”. М., 1996.